

ЛОГИКА В РУССКОЙ ЖИЗНИ

В.Н.БРЮШИНКИН

Слово логика обладает изначальной и безнадежной двусмысленностью. С одной стороны, это слово обозначает представление о последовательности и состоятельности рассуждений, а с другой — науку, изучающую эти рассуждения с точки зрения одной только их формы. В первом смысле значение слова «логика» почти совпадает со значением слова «рациональность». Во втором смысле логика занимает уникальное место в системе наук, но сразу же возникает вопрос о ее отношении к мышлению.

Проблема роли логики (в обоих смыслах) в национальной культуре очень сложна, ее решение зависит от многих тонких обстоятельств и особенностей восприятия рационального мышления и науки логики в данной культуре. К тому же при решении данной проблемы трудно ожидать одинакового отношения к рациональному мышлению и логике в различных социальных и профессиональных группах, принадлежащих данной культуре и в различные периоды исторического развития данного народа¹. Было бы чрезвычайно соблазнительно попытаться реконструировать единый образ логики² в культуре данного народа, так сказать — «национальный образ логики». Однако в силу указанных обстоятельств это вряд ли возможно³. Эту задачу можно решить только частично и предположительно, если удастся, например, выяснить какую-либо культурную

¹ Например, техническое развитие сильно повышает рациональность мышления.

² По поводу категории «образ логики» см.: *Грифцова И.Н.* Логика как теоретическая и практическая дисциплина. К вопросу о соотношении формальной и неформальной логики. — М.: Эдиториал УРСС, 1998.

³ Например, при реконструкции авторских образов логики в рамках одной культуры оказывается, что образ логики больше зависит от философских взглядов автора и его теории связи логики и мышления, чем от национальных особенностей (см.: *Попова В.С.* Аргументация в логической дискуссии с точки зрения авторских образов логики (на материале фрагмента дискуссии А.И. Введенского и Н.О. Лосского) // *Модели рассуждений—I: Логика и аргументация* / Под ред. В.Н. Брюшинкина. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2007. — С. 230 — 248.

константу, имеющую отношение к рациональному мышлению как базису логики, или рассмотреть предпосылки, необходимые для распространения логики как науки, например, в образовании как одной из решающих областей культуры и установить, насколько характерны эти предпосылки для данной культуры.

Русская жизнь и рациональность

Жизнь народа часто проще понять, если обратиться к его сказкам, к тому, что почти каждый носитель культуры впитывает с молоком матери.

В русских сказках мы часто встречаем героя, который годами сидит на печи и чего-то ждет. И случай обязательно приходит. Тогда оказывается, что Иван намного успешнее своих умных и деятельных братьев. То же самое мы видим в литературе. Парадигматический образ русского в литературе — Илья Ильич Обломов. Он также занимается ожиданием, и тем самым противопоставлен деятельному русскому немцу — Штольцу. У Толстого в «Войне и мире» русский полководец Кутузов в битве при Бородино также ждет, пока Наполеон активно действует. Он ждет момента, когда дело можно будет решить однократным мощным напряжением сил.

В героях русских сказок, былин, литературы, истории проявляется важная черта русской жизни — недоверие к рациональности, к мышлению и поведению, состоящим в последовательности действий по заранее заданным правилам. В глубине души русские не верят, что систематические последовательные действия принесут лучший результат, чем случай или однократное напряжение сил. В психологию русского человека встроено следующее суждение: *вероятность того, что некоторый результат будет достигнут при помощи рационально построенной последовательности действий не больше, чем вероятность того, что этот или подобный результат может получиться и без такой заранее запланированной последовательности действий: сам собой или однократным напряжением сил.* Это означает, что русские не до конца доверяют рассудку, рациональным принципам поведения, культуре.

Мир, в котором живет отдельный человек и целый народ, является *бесконечно сложным*. Это означает, что для того, чтобы жить в этом мире, приходится прибегать к некоторым его *упрощениям*. Каждый народ в ходе своего приспособления к среде (природному или культурному ландшафту) вырабатывает

навыки, которые позволяют представителю народа бессознательно обращаться с этой сложностью мира, т.е. совершать действия, которые приводят к успеху, хотя при этом не все факторы, влияющие на результат данного действия, осознаются. Такого рода систему навыков, позволяющих данному народу успешно жить в бесконечно сложном мире, и образует культура этого народа. Культура выполняет *функцию упрощения мира*, в котором живет данный народ. Вместо бесконечно многих параметров каждого действия, навязываемых сложностью мира, культура подсказывает нам некоторые основные параметры, на которые надо оказать воздействие, чтобы достигнуть планируемого результата. Человек или народ справляются со сложностью мира, изобретая *привычные способы действия*, создавая *над неопределенностью* мира свой собственный мир, в котором постоянное обращение к бытию заменено *привычными бессознательными действиями*, позволяющими выживать и жить в условиях обитания данного человека или народа.

Культура — это *ключевые точки*, связывающие субъекта с миром, и *связи* между ними, созданные самим субъектом. Если человек умер, то надо плакать и одеваться в черное. Если человек родился, то надо радоваться. Если на день Симона Огуречника хорошая погода, то следует сажать огурцы. Такого рода импликации относятся к культуре и формируют ее.

Если прибегнуть к помощи метафоры, то бытие можно уподобить болоту — труднопредсказуемому, опасному месту, в котором нет надежных путей. Здесь совершаемые человеком действия могут привести к совершенно непредсказуемым для него последствиям. Люди, осваивая болото, прокладывают по нему пути — гати, которые позволяют безопасно передвигаться по заранее проложенным маршрутам. Гати позволяют уверенно передвигаться по болоту, но зато мы можем попасть только туда, куда эти гати ведут. Культура похожа на такую систему мостков-гатей, которую люди возводят над неопределенным бытием. Европейская культура — это система сплошных гатей-мостков, так что практически в любую точку, необходимую человеку данной культуры, можно попасть по мосткам. Система русской культуры никогда не была до конца достроенной, в ее системе гатей всегда есть прорехи, из которых выпирает бытие-болото. Поэтому в русской жизни почти нет стандартных, рутинных путей из одной точки в другую, каждый раз приходится наткаться на необработанное бытие, что делает прак-

тически любой процесс опасным и творческим. Что-то подобное имели в виду Бердяев и Лосский, когда говорили об отсутствии в русской жизни срединной области культуры. Это обстоятельство объясняет сообразительность наших людей, способность не теряться в нестандартных ситуациях. Ибо почти все наши задачи нестандартны.

В основе русской жизни лежит недоверие к культуре, ощущение того, что культура не исчерпывает сложность мира, что правильно построенная, рациональная последовательность действий таит в себе почти такие же возможности неуспеха, как случайные действия, как жизнь, как Бог на душу положит.

Чему же доверяют русские? Русские доверяют *бытию*. Недоверие к рациональности и культуре в то же время означает, что мы верим в независимое от нас сверхрациональное бытие, которое в целом благоприятствует человеку и которое больше и умнее человека и человечества. Доверие к бытию сказывается в знаменитом русском «авось». «Кривая вывезет», — говорят у нас, противопоставляя бытийственную иррациональную «кривую» рациональной прямой, которая, несмотря на весь свой прямолинейный «ясный и отчетливый» характер, редко выводит в проектируемый конечный пункт⁴. *Доверие к бытию* означает, что существует сверхрациональный космический процесс, который обладает собственными законами в совокупности недоступными человеческому рассудку. Этот процесс в целом благосклонен к человеку, который не суетится, не пытается навязать свое эго миру, а ждет, когда поток бытия подхватит его и отнесет к желанной цели. Если же «авось» не срабатывает, «кривая» не вывозит, т.е. поток то ли не захватывает, то ли несет не туда, тогда наступает время кратковременного напряженного действия. «Русские долго запрягают, но быстро едут», — говорят в народе.

Таким образом, для русской души характерно *недоверие к культуре*, связанной с рационально построенной последовательностью действий, ведущих к запланированному результату⁵, и *доверие к иррациональному бытию*, которое в целом восприни-

⁴ «Нормальные герои всегда идут в обход», — поют герои фильма «Айболит — 66». Такие распространенные фразы одновременно выражают отношение к жизни и формируют его.

⁵ Из русской художественной литературы мы знаем, что типичной реакцией русского человека на такие последовательности действий является скука.

мается как благоприятное для человека, подхваченного потоком жизни⁶. Очевидно, что такое отношение к рациональности⁷ образует неблагоприятный фон для логики в обоих смыслах, выделенных в начале этой статьи. Если мои предположения относительно характера русской жизни в ее отношении к бытию верны, то логика обречена играть в русской жизни ограниченную роль. Для выявления реального значения логики в русской жизни необходимы модели типичных процессов аргументации, распространенных в данной культуре и выяснения соотношения в ней рационального и иррационального компонентов⁸.

Формальное мышление, логика и рациональность

Логику как науку обычно называют формальной. Именно слово «формальный» правильно определяет особенности той логики, которая стала основой современной математической или символической логики, а также риторики, теории аргументации, лингвистики, программирования. Слово «формальный» уместно в применении к нашему предмету в силу связи логики с формальным мышлением.

Однако в русской культуре словом «формальный» обычно обозначают нечто внешнее, не затрагивающее сути дела, игнорирующее реальные проблемы и потребности. Мы, например, привыкли называть формальным мышление бюрократа, который выискивает всякие казуистические штуки только для того, чтобы не решать проблемы обращающихся к нему людей. «Формальным подходом к делу» именуем мы неспособность или не-

⁶ Попытка объяснить эти особенности русской жизни предпринята автором в статье: *Брюшинкин В.Н.* Феноменология русской души // Вопросы философии. 2005. № 1. — С. 29 — 39.

⁷ Отношение к рациональности образует одну из существенных характеристик типа идентичности. См. об этом в применении к российской и европейской идентичности: *Брюшинкин В.Н.* К методологии исследования понятия идентичности // Идентичность и глобализация: Россия, Европа, США. Сб. статей / Под общ. ред. В.Н. Брюшинкина. — Калининград: Изд-во КГУ, 2003. — С. 3 — 17.

⁸ Некоторые методологические принципы такого исследования изложены в статье: *Брюшинкин В.Н.* Системная модель аргументации как основа методологии философской компаративистики // Модели мира. Исследования по логике, аргументации и истории философии: Сб. научных статей / Под общ. редакцией В.Н. Брюшинкина. Изд. 2-е, испр. и доп. — Калининград: Изд-во КГУ, 2004. — С. 66 — 86.

желание по-настоящему заниматься делом. На эту тему можно привести множество примеров. Указанный смысл слова «формальный» распространен в нашем языке. Однако является ли этот смысл «врожденным» или «благоприобретенным»? Свойствен ли он языку изначально или возник в нем под влиянием распространения той или иной системы взглядов? Если мы обратимся к философии, из которой, я полагаю, и пришел этот смысл в наш язык, то увидим, что и *Аристотель*, и *Кант* употребляли слово «формальный» в весьма уважительном смысле. В западноевропейской философии уничижительный смысл за этим словом закрепил *Гегель*, стремившийся противопоставить «пустой» формальной логике содержательную диалектическую логику. В русскую культуру этот смысл слова «формальный» был внесен *славянофилами*, следовавшими гегелевской традиции словоупотребления. Славянофилы таким способом выражали свое несогласие с традициями рационального мышления и правового общества, которые, по их мнению, были характерны только для западного типа развития.

Рассмотрим следующую жизненную ситуацию. Представьте себе человека у светофора. Горит красный свет, но ни справа, ни слева, и ни с какой-либо другой стороны машин до линии горизонта нет. Что делать: идти или нет? Не предвосхищая заранее ответа на этот вопрос (хотя почти каждый из нас скажет: «А чего здесь ждать?»), замечу, что в этой ситуации есть две возможные линии поведения: идти или стоять. Наши душевные борения у светофора показывают, что в любой ситуации, где имеются более или менее разработанные правила⁹, появляется возможность конфликта между поведением, следующим правилам, и непосредственными интересами людей. Там, где возникает этот конфликт, появляется возможность

⁹ Правило — это явно выраженное при помощи некоторого языка предписание по выполнению или невыполнению определенного действия. Правило распространяется на многие конкретные действия, предписывая единообразный способ их исполнения. Правило служит для достижения цели, определенной системой правил, в которую входит данное правило. Поскольку правила представляют собой предписания, то им можно следовать, а можно не следовать. Следование правилам способствует достижению поставленной цели, а «неследование» не способствует. Закон (и природы, и общества, и правовой, и нравственный) — это один из видов правил, а именно такое правило, следование которому по каким-то основаниям обязательно.

действовать двояко: 1) в соответствии с правилами, 2) в соответствии с непосредственными интересами, зачастую противоречащими правилам. На этом основании мы будем различать два типа поведения людей в ситуациях, где есть заранее фиксированные правила: *следующее правилам* и *не следующее правилам*. Правила связаны с формой действия. Форма действия есть система его постоянных, устойчивых характеристик, возобновляющихся при его повторении. Поэтому форма действия задается системой правил, управляющих данным действием. Поведение (человеческое) есть система действий людей. Если поведение основывается на форме входящих в него действий, мы будем называть его формальным. Если же поведение связано с сознательным отказом следовать правилам, мы будем называть его антиформальным. Точнее:

Формальное поведение — это последовательность внешних действий людей, происходящих в соответствии с заранее заданными правилами.

Антиформальное поведение — это внешние действия людей, нарушающие заранее заданные правила.

В определении формального поведения не случайно упомянуто слово «последовательность», а в определении антиформального поведения его нет. Формальное поведение всегда последовательно. Антиформальное чаще всего хаотично, то следует правилам, то не следует им, то следует одной системе правил, то произвольно меняет ее на другую. Можно, конечно, задаться целью систематически нарушать какую-либо систему правил. Однако вряд ли в этом случае удастся быть последовательным. Чтобы ограбить банк (нарушить правила, устанавливаемые Уголовным кодексом), лучше всего добраться до места преступления незаметно, а для этого надо соблюдать правила дорожного движения.

В жизни часто встречаются ситуации, в которых правила заранее не заданы. Они, конечно, есть, эти правила, потому что в природе и обществе в конечном счете все происходит по тем или иным правилам, мы только можем их знать или не знать, они могут быть заранее заданы или заранее не заданы. Чтобы говорить о поведении в ситуациях, где нет заранее заданных правил, введем понятие неформального поведения. Неформальное поведение — это внешние действия людей в ситуациях, в которых правила не заданы заранее. Неформальное поведение — это поведение еще не определенное, оно может стать,

если задать правила, по которым должны происходить действия, как формальным, так и антиформальным. Чтобы установить важность или неважность формального поведения, нам нужно найти такие области в жизни людей, где есть более или менее четко фиксированные системы правил. Пример с правилами уличного движения наводит нас на мысль, что самой очевидной областью формального поведения могла бы стать область права. Действительно, что такое правовые законы, если не определенного вида правила, в которых определенные действия людей запрещаются или предписываются. Следовательно, совокупность законов, действующих в обществе, и есть такая система заранее фиксированных правил. А раз есть такие правила, то возможно формальное, неформальное и антиформальное поведение. Таким образом, право — *область формального поведения*. Цивилизованное общество стремится быть правовым. К сожалению, человечество легко соскальзывает к неправовому обществу. Принцип последнего: «Если нельзя, но очень хочется или очень надо, то можно». По этому принципу всегда производилось обоснование исключений из права. Основаниями для таких исключений обычно бывают «интересы дела», «политическая целесообразность» или такой особый вид законности, как «революционная законность». Принцип правового общества: «Если нельзя, но очень хочется или очень надо, то все равно нельзя». Это напоминает древнюю формулу римских юристов: «Pereat mundus, fiat justitia» («Пусть погибнет мир, но торжествует право»). Это, конечно, преувеличение, но оно говорит нам, что закон, правило должны соблюдаться в любом случае. Правовое общество — это общество, в котором максимально широко распространено формальное поведение.

Другой, не менее важной областью человеческой жизни, является нравственность. Действительно, нравственность есть не что иное, как система норм-правил, предписывающих или запрещающих те или иные мотивы поступков. От права она отличается тем, что относится не непосредственно к поступкам, а к мотивам этих поступков и той санкцией, которая следует за нарушением этих правил. Право предполагает внешнюю санкцию государства. Нравственность — внутренние санкции совести (угрызения, раскаяние) и общественное осуждение. Однако нравственность сходна с правом в том, что она представляет собой систему заранее сформулированных, хотя и не так отчетливо выраженных, правил, которым можно следовать

или не следовать. И нравственное поведение — это поведение, следующее правилам, а безнравственное поведение — это поведение, нарушающее правила, не соблюдающее их. Следовательно, нравственное поведение также относится к области формального поведения.

Право и нравственность — области, где существуют наиболее четко фиксируемые правила. Однако такие правила, может быть, не столь четко фиксируемые, есть и в других важных областях жизни. Так, рассмотрим область культуры. Культуру будем рассматривать как систему правил достижения произвольно поставленных целей. Культура есть также область формального поведения, поскольку она формируется на основе правил достижения целей и сама выражается в виде тех или иных правил и их систем (норм культуры). Конечно, в отличие от права и нравственности культура — это набор, так сказать, рекомендательных норм, зависящих от поставленной цели. Но, тем не менее, культура — все равно система правил и, соответственно, область культурного поведения входит в область поведения формального.

Еще одна важнейшая область нашей жизни, имеющая непосредственное отношение к производству. Это — технология. Технология есть последовательность действий по преобразованию определенного исходного материала (сырья, информации и т.п.) с целью получения заранее заданного результата. Эта последовательность действий выстраивается в соответствии с правилами. Следовательно, технология также есть область человеческого действия, где существуют четко выраженные правила, которым можно следовать или не следовать. Рабочий, инженер, учитель, которые следуют предписываемым технологией правилам, производят нужный продукт по заданным параметрам, а тот, кто не соблюдает технологии, производит продукт, не обладающий заданными параметрами, и, значит, не нужный. Таким образом, в области технологии мы также сталкиваемся с формальным поведением, которое ведет к технологичному обществу и отличает его от общества нетехнологичного.

Рассмотренные области нашей жизни — *право, нравственность, культура, технология* — относятся к числу самых важных, это те решающие области, которые отличают цивилизованное, нравственно совершенствующееся общество от общества нецивилизованного, не вступившего на путь нравственного прогресса. И во всех этих областях поведение, называе-

мое правовым, нравственным, культурным и технологичным, представляет собой образцы формального поведения.

Прежде чем рассмотреть современные способы распространения формального поведения, введем понятие, представляющее для нас наибольший интерес в связи с логикой. Формальное мышление — это последовательность умственных действий по заранее заданным правилам. Формальное поведение и формальное мышление связаны теснейшим образом. То, что вовне представляется в виде внешнего поведения, внутри оказывается мышлением.

Каким образом возникает формальное поведение? В традиционном обществе, существовавшем в Европе и России до конца XIX — начала XX в., формальное поведение возникало под влиянием традиции, преемственности поколений. В обществе существовали устоявшиеся образцы следования праву (не всегда совпадавшему с писанным), нравственности, культуре. От поколения к поколению передавались и традиционные технологии, особенно в деревне. Главным (мета)правилом такой передачи образцов формального поведения было следующее: «Поступай так, как поступал твой отец (мать)!». Это замечательное правило фиксирует преемственность поколений, без него не бывает непрерывного развития культуры. Однако этому механизму передачи образцов формального поведения присущ признак бессознательности. Каждое новое поколение заимствует типичные формы поведения предшествующего поколения, не подвергая их рефлексии. Это означает, что в традиционном обществе формальное поведение возникает, не будучи предварено формальным мышлением, а формальное мышление надстраивается над формальным поведением, и, естественно вытекает из него при определенных образовательных условиях.

Формальное мышление оказывает в традиционном обществе обратное воздействие на формальное поведение. Поскольку формальное мышление обладает признаком сознательности, то этот признак распространяется с умственных действий по правилам на соответствующие внешние действия. Это повышает степень сознательности следования правовым законам, правилам нравственности, нормам культуры и технологии. А это означает, что формальное мышление закрепляет способы поведения, сообразные правилам. Образованные слои общества, овладевшие формальным мышлением, постепенно формируют и более высокий уровень правового поведения, куль-

туры, технологии и, в конечном счете, нравственности. Хотя в случае нравственности зависимость не является столь прямой.

XX век принес много нового в мир вообще и в интересующую нас проблему, в частности. XX век принес в социальный мир и мощную горизонтальную и вертикальную динамику. «Восстанием масс» назвал этот процесс испанский философ Ортега-и-Гассет. Люди сдвинулись с постоянных мест проживания и стали на протяжении одного поколения несколько раз менять место и условия своей жизни. Стали привычными переходы из одного социального слоя в другой, с низа социальной лестницы наверх, и наоборот. В этих условиях начали разрушаться традиционные механизмы передачи образцов поведения, в особенности формального, поскольку формальное поведение не стимулируется непосредственным интересом. Поэтому в отсутствие традиционных способов передачи образцы формального поведения разрушаются особенно легко. В современном мире формальное поведение более не распространяется автоматически. Однако мы видели, что в обществе оно, безусловно, желательно. Это означает, что должны быть созданы способы образования формального поведения.

Действительно, если мы имеем наработанные веками способы образования структур формального мышления, то отчего же не воспользоваться ими для того, чтобы в новых условиях помочь людям приобрести образцы формального поведения сначала на внутреннем мыслительном материале, а затем распространить его и на внешние действия. В наше время формальное мышление стало главным условием образования структур формального поведения. В частности, этим обусловлено возрастающее значение образования для жизни общества.

Каким же образом образуются структуры формального мышления? Ответ на этот вопрос подсказан веками. В структуре образования, начиная со средневековых университетов, от которых многое заимствовала классическая гимназия, всегда были дисциплины, которые заслуживают названия формальных из-за их почтения к правилам. Это, прежде всего, — логика и латынь. Латынь можно отнести к формальным предметам, поскольку это — мертвый язык, который можно изучать только по правилам. В этом и состояла знаменитая роль латинской грамматики. Язык, изучаемый не в живом общении, а исключительно по правилам, приучал гимназистов мыслить формально, согласуясь не с языковыми стереотипами, почерпнутыми в

общении, а только с правилами. В высокой степени формализованными выглядят с точки зрения современного живого языка и латинские тексты, особенно поэтические и риторические.

Таким образом, в ряду школьных предметов есть ряд дисциплин, способствующих образованию структур формального мышления. Если же жизнь теперь в силу отношения к рациональности действия, прерванной традиции или высокой динамики не образует так нужных нам структур формального мышления «естественным» путем, то нам следует воспользоваться накопленным цивилизацией опытом и образовывать в уме учащихся структуры формального мышления напрямую.

О практике преподавания логики в современной России

Соотношение формального мышления, связанного с логикой, и формального поведения, которое связано с важнейшими областями жизни общества, использовалось мною, начиная с конца 80-х годов XX в., для мотивации студентов к изучению логики. И надо сказать, что в конце 80 — 90-х годов этот способ мотивации был весьма эффективным. Указанная связь формального мышления с формальным поведением и обоснование желательности формального поведения для жизни общества и для жизни в обществе помогали вызвать первоначальный интерес и создать мотивацию на весь курс обучения. В дальнейшем уже не было необходимости прибегать к дополнительной внешней мотивации. Однако все это относилось к преподаванию логики в России конца XX в. Несколько лет назад я начал осознавать, что ситуация изменилась.

Мотивация, основанная на понятиях правового общества, нравственности, культуры и технологий как областей формального поведения стала оказывать заметно меньшее влияние на студентов. В чем дело? Наверное, в обществе. В конце 80 — 90-х годов общество испытывало огромный интерес к этим областям жизни, надеялось¹⁰ на то, что происходящие в России перемены приведут к развитию правового общества и т.п. Студенчество — это очень чувствительная часть общества, часто бессознательно, но показательно реагирующая на перемены, происходящие в обществе. Видимо, изменение российского общества пошло в том направлении, когда для молодых людей формально понимаемые право, культура и технологии стали не

¹⁰ По крайней мере, в той его части, которая стремилась к образованию.

очень существенными, а нравственность стала проходить по столь же неформальной рубрике, как религия и церковь. В результате таких перемен мне пришлось отказаться от такого рода внешней мотивации изучения логики и сосредоточиться на ее внутреннем интересе, который приходится поддерживать на протяжении всего курса.

Заключение

Рассмотренные предпосылки рационального мышления в русской жизни и возможности укоренения формального мышления в образовании, а через него и в жизни, подсказывают не очень оптимистический диагноз, касающийся возможностей распространения логики и рационального мышления в современной российской жизни. Однако трудности такого рода образуют вместе с тем и резерв развития. Решающей областью, конечно, является образование. Однако проблемы, связанные с внедрением логики в образовательные программы известны каждому университетскому преподавателю логики. Вместе с тем, если мы хотим, чтобы логика — и связанная с ней рациональность — распространялись в современном российском обществе, необходимо не только говорить о ценности логики самой по себе, но и подавать ее в одном пакете с практическими приемами аргументации и риторики.

РЕФЛЕКСИРУЯ ПРОБЛЕМУ

Валентин БАЖАНОВ

Начну с того, что я, как и Григорий Львович, считаю логику сердцевиной рациональности. Но, пожалуй, роль логики в крушении советского политического и экономического иррационализма мне представляется еще более радикальной, нежели Григорию Львовичу. Исходная точка распада этого иррационализма мне видится в постановлении ЦК ВКП(б) 1946 г., согласно которому в школах некоторых крупных городов должно было быть начато преподавание логики, а также предпринята целенаправленная подготовка логиков в крупных вузах и ряде академических учреждений. Тем самым в СССР создавался коацерват критически мыслящих людей, своего рода катализатор, благодаря которому слепая вера и подчинение уступали место аргументированному рассуждению и рациональному анализу. Понятно, что число студен-